Санайт

Том 2

Измерение Лисавета

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Евгений Мамонтов

Евгений Мамонтов

Санайт — том 2. Измерение Лисавета

«Автор»
2026

Мамонтов Е.

Санайт — том 2. Измерение Лисавета / Е. Мамонтов — «Автор», 2026

Новый мир. Старая боль. Илюху предали. За его ли наглость или везение, не известно. Но факт остаётся фактом. Предали жёстко и безосновательно. Не только друзья, но и Игра. Раньше Илис был позади сестры, а теперь ей самой нужно его догонять...И во втором мире его путь начинается не с поисков способа воссоединиться с сестрой. Им правит слепая месть и ярость на людей, которых он считал друзьями. Теперь он снова в начале пути — без точки опоры, без товарищей, без денег и с демоном внутри.Но как найти союзников, когда в его глазах видят лишь чудовище, которым он стал по прихоти Игры?А теперь оказывается, что его новой дорогой заинтересовались и те, кто готов на всё, чтобы защитить своё детище. Даже если для этого нужно стереть с лица мира одного разгневанного нищего.Враг изменился, стал реальнее. Илюха — тоже. И теперь только время покажет, кто встанет, когда осядет снег.

© Мамонтов Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 16
Глава 3 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Евгений Мамонтов
Санайт — том 2. Измерение Лисавета

Пролог

Как это зачастую бывает, в самый неподходящий момент раздался треск рации и шипение.

«Нет, уж, подождут»,— подумала Инга, отключив передатчик. Затем подтянула и застегнула брюки.

Не нужно быть экстрасенсом или читать мысли, чтобы догадаться: стоило ей удалиться по естественной нужде, как кто-то решил выйти на связь. Закончив все дела, она вновь вернулась к рации.

— Агент Лонская! Агент Лонская, приём!

— Лонская на связи, — ответила она таким тоном, что человек по ту сторону эфира, буквально увидел перед глазами её недовольное лицо. Взгляд готовый превратить кого угодно в стейк прожарки «Well done» за считаные секунды.

— Лонская, засекли очередную вспышку энергии. Амплитуда идентична той, что сопровождала исчезновения людей по всей стране… и вашего отца. На этот раз ловушка схлопнулась сразу же, в неё попали двое детей.

— И что прикажешь мне делать с этой информацией? — в голосе Инги прозвучала усталость. — Мы несколько лет пытаемся выйти на эту сволочь, а лишь топчемся на месте.

— На этот раз удача на нашей стороне. Человек, установивший ловушку в бывшей свече «ТриаНова», не успел покинуть место. Мы засекли его, сели камерами на хвост. Он движется по проспекту Победы. Задача проста — перехватить.

Инга зажала кнопку рации, но не спешила отвечать. Это была первая зацепка в деле Гроулова за три года. Она не верила в стохастичность явлений и слепую удачу, отрицала их, предпочитала детерминированный подход. Но раз кто-то из людей Гроулова, обычно подчищающих за собой всё, споткнулся и намеривается упасть, — она должна быть первой, кто его поднимет.

— Принято, выдвигаюсь. Сбор — две минуты.

— Отлично! Все данные слежки уже на вашем смартфоне. Мы рассчитываем на вас!

Собираясь, Инга прокрутила в голове все известные вводные по делу Гроулова. Цифра была чудовищной: без малого сто тысяч человек за три года по России и СНГ. Настолько разрозненно и непредсказуемо, что власти лишь разводили руками. Люди Гроулова не оставляли следов, всегда маскировали исчезновения под несчастные случаи. Мёртвое дело. И вот теперь — движение. И почему-то началось всё с её похода в туалет. Не может же так быть?

Волосы — в тугой пучок, грудь — под корсет, служебное оружие — на пояс. Ноги… в руки. Быстрее всего будет на мотоцикле, тем более после покупки нового «Кавасаки» о других транспортах речи и быть не могло. Этот монстр с лёгкостью давал свыше ста пятидесяти по городским улицам, а уж на проспекте, лавируя между неуклюжими кузовами, мог выжать и все двести.

Рёв мотора разогнал по венам сердечное масло, неплохо так разогрев кожу. Нацепив куртку и шлем, она с места рванула наперерез проспекту, петляя по узким улочкам и срезая там, где возможно было это сделать. Нет, это была не слепая поездка, не лихая езда — Инга была законопослушной гражданкой. Настолько, чтобы не тратить половины зарплаты на штрафы. Лишь треть.

На одном из светофоров она сверилась с данными камер. Цель двигалась к выезду из города — в сторону аэропорта. *«Он, кажется, не в курсе, что туда можно добраться быстрее»,*— подумала она, сворачивая на объездную.

Железный гепард на трассе набрал скорость и уже гнал свыше двухсот. У аэропорта Инга вновь заглянула в смартфон, позволив себе победную усмешку. Она уделала его — даже с учетом форы. Ему оставалось ехать несколько минут.

Хватать сгоряча и опрометчиво действовать было не в стиле Лонской — для этого она была слишком сексуальна и хороша собой. Сейчас, в обтягивающей мотоциклетной экипировке, удерживая двухсоткилограммового монстра одной ногой, она притягивала взгляды в разы сильнее. На неё смотрели все. Кроме того, кто был целью.

Тело окатило током с ног до головы, а сердце на миг замерло, когда из наглухо тонированной машины вышел молодой мужчина в непроницаемых очках. Неудивительно, что база не заподозрила ничего: узнать этого мужчину таким молодым могла только она. Это был её отец — Лонский Олег Геннадьевич. Живой. Здоровый. Но словно сбросивший, как что-то лишнее, двадцать лет.

Он прошёл по дороге сквозь ряды припаркованных машин, затем мимо собственной дочери, не удостоив её ошарашенного лица даже взглядом. Его пустой, мертвенный взгляд булавками прошил насквозь, оставив незатягивающиеся дыры. Родной отец не узнал её. Просто прошёл мимо.

Даже для неё — первоклассного агента, было тяжело побороть весь тот хаос чувств, захлестнувшие разум. Но не отчитаться за выполненное задание было куда страшнее. Она выскочила из-за мотоцикла и нагнала его.

— Папа, — Инга бросилась к нему на шею, изображая искреннюю радость, словно она действительно ждала его годами (что было правдой, поэтому подделать эти эмоции было легко). — Давно ты прилетел? Я так скучала!

Он резко отстранился, стаскивая её руки.

— Простите, вы ошиблись. Я впервые вас вижу. И очень спешу.

Он засеменил к входу в терминал, оставив Ингу стоять в ледяном, но победном одиночестве. Именно победном, потому что жучок слежки был надёжно прикреплён под лацканом его пиджака.

Глава 1

Никакой удачи в этом мире не существует. Правила, предпосылки, психологическое состояние... Множество незаметных факторов в совокупности создают непредсказуемый, но неизбежный результат. Победитель определяется ещё до начала игры.
No Game, No Life

«Измерение: неизвестно. Локация: пещера во льдах»

Это был не грохот, нет. От грохота не летят сталактиты, не рушатся сталагмиты. От грохота лёд не летит в разные стороны, не обжигает рваными порезами кожу. Это был не грохот — содрогался сам мир. Как если бы разгневанное дитя вымещало всю боль и злость от намокших пелёнок в погремушку.

Глаза ослепила боль, когда обломок льда с баскетбольным мяч врезался в плечо, затем сознание чуть не вышибло от удара об стену. Я, как только смог, забился в самый угол ледяной пещеры. И если бы не зеркальная, наполированная поверхность льда, то, вероятно, удержался бы там. Но меня продолжало швырять ещё целую минуту, пока этот хаос не стих. Передышку дали лишь небольшую, словно в пользовании этим измерением так и было написано: «Взболтать. Не смешивать. Дать снегу и камням осесть. Повторить действие. И ещё раз».

— Я, по-вашему, кубик льда в шейкере?! — крикнул я, в охватившую меня резкую тишину.

В ответ — лишь «шик-шик», «шик-шик», будто кто-то вновь сделал заказ у этого бармена.

Всё тело напряглось в ожидании очередных толчков. Они возникали по два-три раза каждый день, словно гору, в которой я находился, нескончаемо бомбардировали. Когда я понял, что на сегодня всё, решил вернуться к утомительным попыткам уснуть в прокалывающем все внутренности морозе. Если в первый день, когда я очнулся, было проще заснуть из-за онемевшего тела, то в последствии оно начало выть сиренами гражданской обороны. Сейчас же сон был кротким, дёрганным, и редким. Если вообще случался.

В *«не знаю какой»* день, после пробуждения, я смог ходить и теперь осознавал удручающий факт — выход найти будет невозможно. Так же, как невозможно будет в последствии избавиться от ноющей боли и синяков. Я перебирал ногами по бесконечным просторам ледяной пещеры и выживал на одних только мыслях о мести. Продвинуться за всё время мне удалось глубоко, но выхода всё равно не было.

«Так-с, нужно успокоиться, выключить этот поток нескончаемых воспоминаний, внутренний диалог, сосредоточится на сне. Я найду их — и выход, и бывших друзей, и сестру — обязательно найду и задам вопросы. Может, сломаю не один нос. Нет! Не сестре».

Стоило голосу в голове затихнуть — вернулась дрожь. Оказаться в месте на девяносто процентов состоящим из замёрзшей воды, в одной рубахе и твидовом жилете, было сравни смертельному приговору. Поэтому каждую ночь я проводил в одном и том же сухом месте, куда добирался по отметинам на стенах, в обнимку со порванной попоной, которую сменил перед выездом, старых брюках и рубахах.

Проснулся от очередной тряски, съёжившись в ожидании удара обо что-то жёсткое. На этот раз обошёлся отбитым позвоночником и очередным синяком на голени. Чувствовал я себя — как после дневного сна. «Какой сейчас год? А время суток?» Казалось, я постепенно схожу с ума. Небритое отражение в ледяной глади (а для меня щетина стала удивительным открытием), синяки под глазами, уставший вид — всё прямо-таки кричали мне, что я нахожусь в этом месте не одну неделю. Волосы тоже заметно отросли с тех пор, как я в последний раз смотрел на себя

в зеркало. Стричься я пока не собирался — теперь вся копна скрывала маленькие рога над лбом. Их наличие, безусловно, раздражало.

Я умылся водой, пребывавшей в состоянии «ещё не совсем лёд», и двинулся по меткам. Сегодня нужно было зайти дальше, глубже, отыскать новое место ночлега, возможно, ближе к выходу. Тишина в этом месте звенела, каждый шаг отражался от стен и пустоты, протяжным эхом. Если затаится на месте, можно было услышать, как кровь спешит преодолеть громадный круг по телу, а тонкий звук падающих капель наполняет морозные залы перезвоном и гипнотизирует.

Чем дальше вглубь, тем больше пещера диктует свои правила, показывая, что будет, если заблудший путник свернёт не на ту, заранее подготовленную именно для него, дорогу. Моя дорога лежала через продуваемые — непонятно откуда взявшимися — ветрами коридоры: то ослепительно яркие, в которых блеск отражался от каждой стены, то поглощённые мраком, где я двигался, выставив вперёд руку, со скоростью падения капли дёгтя. Движения были нерешительными, ведь один неловкий шаг, и ко всем синякам и ноющей боли добавятся пару переломов. И кто может знать, что станет с пещерой и мной, если это всё же случится.

Спустя ещё несколько бесконечных часов блужданий я увидел солнечный свет. Яркая полоса нежно легла на снежную насыть на земле. В конце коридора, прямо за поворотом, тонкие лучи пробивались сквозь покров темноты. Подул новый ветер — не такой, как позади меня. Свежий, морозный, живой. Я плюнул на осторожность, побежал быстрее. Ускорился. Споткнулся, затем вовсе упал. Меня ослепил свет, а я захохотал, рыдая от ярости и восторга, что вижу его не через призму ледяной гробницы, а вот так — просто, перед собой. Так же я был сражён наповал пейзажем, что открылся мне.

«*Второе измерение — Измерение Хаджета, короля скорпионов. Мир, который на три четверти покрыт песком, с огромной, неизведанной пустыней по центру»,* — громом прозвучали в голове слова Одиса.

Вопреки всему, выкинуло меня на склоне заснеженной горы — что подтвердило мои догадки, касаемые места заточения — практически у самой её верхушки. Вокруг возвышалась гряда гор-близнецов, так же величественно хранивших свой молчаливый покой. *«И шёл снег».*Солнце светило изо всех сил, поднявшись чуть выше самой высокой запорошённой вершины, обжигало глаза и ни капли не грело. Мне было тепло от одного его вида, но холод... Вдохнув полной грудью, почувствовал, как в ней защемило. Этот запах зима смешивала для каждого по особому рецепту. *«Зима? Почему зима?»*Он был едва уловим и отражался для меня колкой паутинкой в носу. Штиль сменялся резкими порывами. Снег поддавался этим порывам, и я чувствовал волнение, хаотичное движение каждой снежинки.

Грудь, вздымающаяся от уколов свежести, зашлась в неконтролируемом дыхании. Сердце пришпорили и повели в самый быстрый аллюр. И вдруг — осознание. Громкое, ясное, леденящее.

Какого х… ГДЕ Я? Какое, Это, Нахрен, Измерение?!

«Нет, нет, нет. Это не может быть измерение снегов? Уровень со сто семидесятого по двести двадцать девятый. Я — пятьдесят девятый. Почему я тут? Что я вообще тут забыл?»

В борьбе с холодом за выживание, переполненный кровоточащей пустотой от предательства, я даже не задался вопросом: как я сюда попал? Портал… Я точно не мог до него дойти. Попытки напрячь память приводили к разочарованию в ней. Последние минуты в измерении Таллара были смазаны, размыты, скомканы и выкинуты тем, *другим*мной. Зато он освежил в памяти вкус крови. И ненависть.

В один миг всё оказалось бессмысленным. Попытка догнать сестру, стало оглядкой назад, в пустоту, в нескончаемом ожидании, когда я увижу портал сквозь несколько измерений и её. Я потерял друзей, любимую, власть — хер бы с ней, — и даже время. Всё в пустую. А сейчас?

Меня бейсбольной битой откинуло на полгода назад, когда я стоял в глухом опустошении, совершенно беспомощный, перед пропастью в восемь этажей. Сейчас пропасть была больше. Сейчас пропасть была выше.

«Внизу мягкий снег и не мягкие скалы. Разбиться нахер? Так воскресну же и всё. Но догнать сто двадцать уровней… звучит как что-то нереальное». — возникла мысль, и она была не моя. Точнее, она была не*ынешнего*меня.

Сейчас это звучало, как вызов, вновь продиктованный чертовой игрой или кем-то, кто загнал сюда всех. Я глубоко вдохнул, отступая от края, и повернул голову в ту сторону, куда уходила огибающая гору тропа. Выходит, и месть может подождать.

Правило измерения номер один — ты тут самого низкого уровня. Любой оботрёт о тебя ботинок.

Город был пуст и бледен. Ноги сами на него набрели спустя несколько часов. Дрожащих от холода часов. В его узких улицах, как рыбы в консервной банке, теснились двухэтажные домики. Зима не просто укрыла это место — заключила в объятия накаченных белоснежных рук. Стоило мне спустится с горы, как видимость наперёд стала практически нулевой, но даже так я смог набрести на этот город, ориентируясь на столб смоляного дыма.

На главной улице, которая была аж на метр шире по моим прикидкам, где ещё не занесло следы проносящийся туда-сюда толпы, я увидел широкоплечего гнома, в согнутом состоянии. Он тщательно обыскивал карманы какого-то лежащего человека у лавки мехов и кожи.

«Охренеть, грабёж средь бела дня», — пронеслась мысль. Может, хоть на нём можно временно выместить злость.

Использовав нужные скиллы, я вошёл в стелс. Быстрыми, но бесшумными шагами приблизился к нему. Бедолага, наверное, с перепугу в штаны наложил в тот миг, когда я на него набросился. Опрокинув его на лопатки, я поднёс кортик-рапиру к горлу.

— А чёй-та ты, мародёрствуешь? — взметнул бровь я. — Честно заработать пробовал?

Гном не повёл и мускулом, скривившись в недоумении и глядя в мою тощую рожу. Схватил меня за запястье и швырнул, как тряпичную куклу, что я аж несколько раз перевернулся и прокатился по слою утоптанного снега.

— Пошёл прочь, синий, не нужны трупу штаны! — приподнявшись на локти, выкрикнул гном. — Оглянись! Нет в округе больше честного заработка.

Я поднялся на одно колено и посмотрел сквозь своего собеседника. Главный город встретил не то чтобы отстранённо — он прямо говорил: «Иди-ка ты отсюда, дядь». Первые этажи различных лавок и домиков были выбиты. Вдалеке, за бесконечным каскадом крыш, бушевал пожар. Под свежевыпавшим снегом — следы крови, сажи и чьи-то торчащие ботинки. В воздухе висел коктейль из серы, горящей краски и обожжённого камня.

Гном вскочил на ноги с несвойственной ему скоростью, отряхнулся и принял боевую стойку, заведя руку за спину, где уже материализовалась огромная коса.

— В эту ночь померли все! — продолжал он, брызжа слюной. — Ремесленники, торговцы, стража — никого не осталось. Так что прочь с дороги, если не хочешь почувствовать мои руки в твоих карманах.

— Воу, остынь, гном…

— Кого ты гномом назвал, выродок, — проскрежетал он сквозь зубы, а его впадины вместо ноздрей раздулись. — Ты сам-то себя видел? В отличие от твоей бледно-синей рожи я — человек! А судя по твоим рогам, твой батя, похоже, спал с козами.

«Эм… Обидно, вообще-то. Но он что — человек?»

Я поднялся и стряхнул снег. Оглядел сначала себя, затем бросил взгляд на собеседника. Снова на себя и ещё раз — на него. И чёрт бы его чих-пых, тут я на коне! А он, как не покрути — полуослик на полуослике.

Стыдно признаваться, он действительно оказался человеком. Вот только с какого бока не взгляни, как не обойди — гном! До этого момента я думал, что в этом мире, где каждый мужчина — двухметровый метросексуал, ну или имеет, по меньшей мере, идеальные черты лица и пропорциональные формы, не может быть такого чуда. А тут на меня выпучил глаза низкорослый, да ещё и в теле, бородатый и косматый мужик. Его класс и уровень отображались для меня красным — следовательно, сильнее меня он примерно в десяток раз. На его спине в надёжно зафиксированном кожаных ремнях болталось изогнутое остриё косы жнеца.

«Это меня он назвал синим? А сам-то! Без брони расхаживает посреди города в минус двадцать, а то и тридцать, в одной рубахе, которая еле сходится на наеденном, а то и пивном пузе», — подумал я, делая несколько шагов назад, так как его рука, заведённая за спину, была пальцем на курке воображаемого обреза.

— Ты руку-то опусти, дядь. Сори. Как говорится, зря быканул, — сказал я, показывая пустые, обезоруженные руки. — Я Илис.

Гном убрал косу, перевязал хвост длинных прядей на голове и собрал их в пучок, больше похожий на мошонку, от чего я заржал — но тихо, в себя.

— Чего лыбишься? На свои б волосы посмотрел сначала. Тебе вообще повезло, что ты мелочь. Трону тебя — потом неделю отмываться буду.

Ну не мог я поверить, что он может кому-то навредить. Округлое лицо и слишком добрые глаза, казались больше уставшими, чем гневными. А большой раздутый нос непременно говорил о его отзывчивости и лёгкой комичности. Либо о пристрастии к нюхательному табаку.

— Да, да, — опустил руки я, но подходить не стал. — Будет у нас ещё время пободаться. Лучше расскажи, что тут произошло? Говоришь — померли все?

— Да хер его знает, — скривился он. — Я бухал несколько дней и думал, это мне чего-то не того подмешали — трясло и тошнило, как от незамерзайки. Когда я на четвертый день проснулся и вышел на улицу, увидел толпы трупов на улицах города. Форумы не работают, админы молчат. Повсюду массовые беспорядки, — он указал мне на дым в центре города. — Там вообще пиздец. Даже не суйся. В лучшем случае ограбят, а в худшем… — он выдержал паузу, окинув ещё раз меня с ног до головы. — За бабу сойдёшь. Разумные решили разорить всё, что видят их загребущие лапищи. Спасаются только торговцы из игроков — с наёмниками по правую руку и мешком денег для последних по левую.

— Звучит, как дичь какая-то. Да, я тоже чувствовал землетрясения все дни, но… чтобы оно погубило всех — бред. Не верю я в это. Они ж реснуться должны через час или день.

— Я тоже так думал. Но ни час, ни день — не ресается никто. Что бы это не было, игре крышка скоро настанет. Без неписей, дающий квесты, ремесленников, торговцев и стражи начнётся такой треш…

Я молчал, уставившись поверх гнома, который вновь полез обирать бедолагу. На горизонте возвышалось облако чёрного дыма. Таким же чёрным пошёл снег. Потерянность, казалось, перманентным состоянием в этом измерении. Я ж даже не знаю, за что браться и что делать. В измерении Таллара я оставил всё: тёплый и уютный кабинет, кучу бабла, армию. Веру в друзей.

— Слушай, где сейчас можно привести мысли в порядок, отогреться, поспать и поесть? Осталось вообще такое место? *«Да, мне точно сейчас нужен сон».*

— А, ну так это тебе туда! — он указал на стелу в левой части города. — В двух кварталах от воющего рынка есть один постоялый двор, там живёт одна корчмарка. Женщина хоть куда, — мечтательно закатил глаза он. — Готовить — могёт, по шее кому дать — с удовольствием. В общем и целом, огонь-баба, ни дать ни взять. Глядишь, повезёт ещё — и даст и возьмёт! К тому же, она не непись, так что её бизнес должен процветать сейчас.

Он перекинулся к другому телу, которого вообще не было видно под слоем снега.

— Спасибо, мужик.

— Благодари лучше себя за свой низкий уровень, — пробормотал он, не отвлекаясь. — Боюсь, если пендаля отвешу, никогда от ПК-статуса не отмоюсь. Так бы намылил шею разок, чтоб знал, как прыгать на старших.

На моём лице тоже выскочила улыбка, правда совсем слегка. Я наметил траекторию и не спеша пошёл. Мужик окликнул меня.

— Стой! На, держи!

Он бросил мне куртку с меховым воротником и шерстяной подкладкой и, не оглядываясь, ушёл в глубь города, где полыхал пожар. Я ещё раз глянул на вывеску лавки *«Меха и кожа»*.Дай тебе бог здоровья, добрый гном. Владельцу лавки тоже здоровья стоило бы пожелать, но лучше пусть покоится с миром.

Я ускорился уже через десяток метров, поднимая за собой куски снега. Спотыкаясь, набирал темп и летел, меся глубокие сугробы, пока разборчивым почерком не увидел вывеску. Постоялый двор *«Раньше было лучше»*.

«Ты права, вывеска. Вроде бы мне сюда», — мелькнула мысль.

Обставленный невысоким забором дворик, украшали мелкие ледяные фигуры дракончиков, а за ним — небольшой палисадник. В нём было на удивление чисто. Росли голубые розы, подснежники, сияя ярче снега и всего вокруг бело-голубым оттенком и зеленеющие ели. В самой таверне было темно, сыро и воняло кучей пролитого алкоголя — казалось, она не лучше всех зданий вокруг. Лишь падающий из окон свет озарял не на много центральную комнату, оставляя в тихом полумраке бар и круглые столики напротив. Хозяев не было, не ощущалось присутствие вообще никого. Грохот внутри вывел меня из потока мыслей. Из-за барной стойки послышался шорох, за ним хриплый с примесью плача женский голос.

— Кто бы ты… не был, — в нос проговорил голос, изредка всхлипывая, — уходи.

— Я твой гость, хозяйка, ищу ночлег. Меня зовут Илис.

— Вот и уходи Илис, — бросила она в ответ. Судя по голосу, она была в отчаянии и от холода заболевала. — Пчхи. Поищи ночлег в другом месте… Нет больше здесь веселья: не льётся рекой ни вино, ни пиво, не просачивается манящий запах утки и яиц, не идут споры о том, о сём, даже по пьяной роже доброму путнику никто не вмажет.

Я не мог послушать её, просто не хотел этого делать. Мне некуда было податься, не откуда попросить помощи. Я смело шагнул в дом, игнорируя её просьбу. Раздался скрип деревянного пола, он протрещал протяжным эхом на всё заведение, за ним ещё несколько. Я ступал в темноту на ощупь, пока руками не коснулся барной стойки. За ней, внутри, отчётливо слышался тонкий женский плач. Проведя рукой по стойке, нащупал её угол. Прошёл внутрь и сел, прислонившись спиной в проёме.

— Послушай. Я тут, рядом. Расскажи мне, что у тебя стряслось, — тихо прошептал я, пытаясь успокоить девушку. — Ты не НПС. По крайней мере, мне сказали, что никого из них уже нет…

— Да! — вскрикнула сквозь слёзы девушка, разом прервав меня. Я скривился — в итоге, мои слова возымели обратный эффект и только вывели девушку на эмоции. — Никого нет! Никого… ни Роуз, ни Пана, моих девочек — они… умерли. Я не смогу работать одна, Илис, не смогу поддерживать дом, принимать гостей — для меня всё кончено. Поэтому уходи. Оставь меня в покое.

Её голос пронёсся, как раскат грома, разрезав напополам пустую тень. Так же быстро он и затих. Вскоре она перестала постоянно шмыгать носом. Я не уходил. Вновь повисло молчание, в нём неспешно пролетало время. За это время в таверну не зашёл никто. Только один раз ветер взвыл за окном, разорвав эту тишину. Думая над тем, что я мог предложить, я собирался с мыслями.

— Я… — неуверенно начал я. Она прервала меня в туже секунду.

— Что ты?

— Меня предали друзья, родные… даже не знаю где. А мой уровень, хах, всего пятьдесят девятый. Я не выживу тут.

— И что мне с того?

— Я могу им стать, — неуверенно продолжил я, проползая внутрь бара. — Мог стать твоим помощником. Я не ленивый, рукастый и мог бы… убирать комнаты, например, починить что нужно. Вообще за любую работу готов взяться! Могу на кухне к тебе присоединится. Подниму готовку, научусь делать самые изысканные блюда. Ты бы насаживала шашлык, а я его вертел.

«Твою мать, что я вообще делаю. Какой бы я шашлык вертел? Что за бред я несу». Но фонтан слов из моего рта было не остановить. Она сдавленно хихикнула — это был прогресс.

— О наших люля слагал бы легенды весь Санайт. А ты… стригла бы капусту, ведь все любят капусту, — я выдержал паузу. — И позволила бы мне жить тут, хотя бы время. Ведь при переходе я потерял всё! У меня нет денег, за мной не стоит больше армия, а влиятельность... да грош ей цена там, где я в три раза меньше всех по уровню. Меня предали те, кого я считал товарищами, назвали меня монстром… А я не монстр! Ещё и сестру больше не увижу.

В конце монолога я совсем поник и замолчал. Вновь тишина обняла со спины темноту, они смело вернулись в комнату. Только им тут комфортно. Отопление на этаже не работало, думаю так же, как и во всём трактире. А кому сейчас разжигать котельную? Вытащив из инвентаря попону и брюки, спасавшие меня в пещере, я перебрался максимально близко к девушке, нащупав рукой её колено. Прислонившись к стене, накинул попону на ноги, почувствовал, как она дрожит и тихо, не подавая вида, сопит промёрзшим носом.

Как я приблизился к ней уже не помню. Но она, едва зная меня, обхватила под руку, склонила голову на плечо. Я не повторял вопрос, она бы не ответила. Накинув на плечи все брюки, что было, сильнее прижался к ней. Когда я хотел вновь что-то сказать, она уже спала. В этой темноте мне оставалось только вслушиваться в её неспокойное дыхание.

Правило измерения номер два — береги свой сон, поспать ты можешь и не успеть. Спи в седле, в снегу, в тарелке супа.

Утро — это не время дня, а состояние. Оно наступает, когда ты просыпаешься. А как иначе? Если ты не спал всю ночь, то и *«доброго утра»*можно не желать. Пытаться заснуть сидя под бормотание и сопение девушки было сравнимо с поПытками уснуть в ледяной пещере. Трясло на этот раз не землю, а девушку, а меня бросало в разные стороны от её оглушительного храпа. Добавить к этому пронизывающий холод, — сон отступал, как вода в отлив. Сегодня не стало исключением.

Раз уж я негласно подписался здесь разнорабочим, то уже с глубокой ночи, имея за пазухой непреодолимое рвение и каплю альтруизма, вовсю занимался восстановлением трактира. Я бегал, прыгал, заглядывал в каждый угол и каждую щель, намечая план по спасению этого места. Но себя обманывать не стал — первым делом хотелось согреться.

На цокольном этаже была котельная с внушительной печью-грушей. Напротив — комната с солидный запасом дров. Сложность была одна: штабель обвалился позапрошлой ночью и подпёр изнутри дверь. Пришлось выламывать её и пускать на растопку. Уже через час работы дрова весело потрескивали, а лицо обдавал пьянящий, нагретый воздух. Ноги, хоть и не хотя, начали оттаивать. Радости не было предела.

Дальше — подмести и вымыть коридоры, привести в порядок спальни, от которых несло затхлостью засаленных простыней и сырой плесени. Разобрать кухню, выкинуть всю порчу, приготовиться к первой готовке и расставить мебель на свои места в главном зале.

Весь трактир был построен в форме подковы, замкнутой в кольцо других домов. В укрытом от ветров внутреннем дворе стоял зимний сад — что было громко сказано, ведь там не было ни единого дерева. Зато стоял каменный мангал и огороженная площадка с беседкой.

Рука женщины была видна во всём: в резных наличниках на окнах, в вышитых занавесках, в том, как каждая вещь знала своё место. В коридорах горели настенные свечи, а на стенах — картины с летними пейзажами — бескрайние долины, величественные пики гор, словно срисованные с этого измерения в его лучшие, тёплые годы. В холле второго этажа царила уютная полутьма, нарушаемая лишь светом от камина. Комнатные растения каскадами свешивались с полок, заставленных потрёпанными книгами, а под ногами мягко пружинили плюшевые ковры, поглощающие каждый звук.

Гостевые комнаты находились слева и справа от холла. На нижнем этаже — кухня, комната хозяйки и кладовая. С другой стороны — ванные и туалеты. *«На такую махину уйдёт не меньше суток уборки»*, — возникла мысль, пока я стоял перед моим оружием: тряпками, щётками и вёдрами. Ну раз взялся — делай, нехер сачковать.

Настали трудные времена. Целый час я изничтожал пыль. Грязь, наблюдая эту картину, подняла белый флаг и капитулировала. Уборка приносила плоды — я нашёл ещё не сгнившее яблоко в прикроватном ящике и тут же его съел. Разобравшись с первой комнатой, я встал около двери и критически всё осмотрел. На полу не осталось никаких следов, кроме моих.

— Да… — протянул я, вытирая со лба пот. — Чему и учит армия, так это как постель заправлять.

Жаль только я там не был. Поэтому простынь торчала изо всех углов, а складки словно кричали: *«Добей нас!»*.Поверх простыни *«ровным»*прямоугольником лежал треугольник одеяла с избитой подушкой возле. Наволочка, кажется, готова была сбежать из комнаты, как только увидела эльфа крови, протягивающего к ней руки. Я старался. Венцом моего гения стало полотенце, свёрнутое в подобие валуна.

— Пфф, легкотня! — задрал голову я, выпятив грудь от гордости за свой нелёгкий труд.

Тут же всплыло несколько системных уведомлений.

«Получено достижение «Жопыт». Пыль и грязь не уйдут от вашего в…а, а въевшиеся запахи зах..я. б……ать. Каждый труд должен быть …, каким бы он ни был. Получено пятнадцать … очков опыта. Ваш уровень увеличился. Уровень 10. Ваш уровень увеличился. …ень 61. Вам доступно шест… очко. …. Вам доступно о».

— Гы, жопыт… — ухмыльнулся я, подметив кривые строчки кода и надписи. *«С игрой творится какая-то херня».*— А что тогда за мытьё туалетов дадут — «Дерьмопыт»?

Откинув сломанные оповещения, а следом и мысли о надвигающемся пиздеце и проверке моей теории с целью заработать немного драгоценного дерьмопыта, я побрёл в следующие комнаты. Подгоняемый незримой дланью, я к рассвету отмыл всё левое крыло трактира. Так же мне удалось успешно поднять уровень до почти семидесятого. Уровень мой пополз вверх и почти достиг заветной семидесятой отметки. Собираясь выйти из последней комнаты, я привычно огляделся, не стёр ли случайно свои следы, и, переступив порог, столкнулся с хозяйкой.

Она встретила меня, потирая узкие, заплывшие сном глаза. Заспанное лицо, русые волосы, взъерошенные с одной стороны, — всё говорило, что сон прошёл на удивление крепко.

— Хотелось бы сказать *«с добрым утром»*, хозяйка, да вот язык не поворачивается.

— А чего так? — протянула она, склонив голову набок. — Плохо спалось?

«Спалось бы отлично, если бы не храп чей-то», — но такое девушке не скажешь. Вместо этого с губ сорвалось другое:

— Я не спал. Сил ещё — на правое крыло, холл, двор, туалеты, твою комнаты и кухню. Наверное. А пока я не засну — завтра не наступит.

— Ты с ума сошёл? — воскликнула она, и глаза её вдруг стали широкими и совсем не сонными. — Ты всю ночь работал?

— Я серьёзен в своих намерениях, хозяйка. Ещё чуть-чуть — и я буду семидесятого уровня!

— Хозяйка? — рассмеялась она, и я наконец разглядел её при дневном свете. Это было самое милейшее создание, которое я когда-либо встречал. Встреть я её в реальном мире — принял бы за подростка. Невысокий рост, крохотный нос, маленькие руки — да в ней всё было такое миниатюрное. И хрупкое. Лишь щёки были гладкими и круглыми, будто она дулась. Вышла она ко мне в просторную, поношенную шерстяную рубаху, из-под которой выглядывали тонкие пальцы.

— Разве что сарая, — продолжила она и её схем зазвучал перезвоном колокольчика. — Зови меня Виска.

— Необычное имя.

— Да? — её шарообразные щеки слегка порозовели. Мне вспомнился гигантский помидор с Нальта. Я сдавленно усмехнулся. — А по мне — обычный ник. Что ты тут вообще затеял?

— Переворот в царстве затхлости и пыли. Поэтому не время болтать! Идёт война. А мы отклоняемся от графика на почти два с четвертью часа, нужно теснить врага.

Она хитро улыбнулась, и на её щеках заиграли глубокие ямочки.

— Получается, ты уже лейтенант? Или капитан?

— Я рядовой и впервые на службе. Готов вычистить все сортиры хоть вилкой. Приказывай!

Глава 2

Тряпка

«Измерение: Бога Адеса. Локация: пустошь».

Плотный брезент, натянутый поверх шатров, отражал палящее солнце. Находясь в зените, огненный гигант сжигал всё, до чего доходил его взор, но только не материал этого полотна. Под куполами было просторно и сохранялась комфортная температура. Лагерь разбили между тремя скалами, в нём вмещался небольшой отряд из двадцати человек. В тени одной из скал, на жёстком спальнике лежала Тая. Она была без сознания несколько дней. Обезвоженную, её нашли, спасающуюся от солнца в крохотной тени. Кисти рук были обожжены, а мантию пришлось и вовсе выбросить — от неё практически ничего не осталось. Когда она проснулась, ей помогли освежиться, перевязали раны, выдали новое снаряжение из того же материала, что и шатёр. Так хотя бы она сможет справляться с адовыми температурами и не получать ожоги.

Тая прикрыла глаза и обмякла, сидя у скалы. В её руках был сэндвич — первая еда за последнюю неделю. Мурашки маршировали по телу, радуясь вкусу. Стоило ей только прийти в сознание, как она выпила несколько бурдюков воды, что было непозволительной роскошью. В тёмной пелене век предстали последние воспоминания из предыдущего измерения. Их развеял подошедший мужчина. Она дёрнулась.

— Съедобно?

Тая не удостоила внимание подошедшего. Посмотрев на откусанный сэндвич, она сделала ещё один жадный укус, который быстро проглотила. Было не то чтобы съедобно, а чертовски вкусно, но она не подавала вида.

— Уж получше червей, которых я ела последнее время. Спасибо.

— Как давно ты тут?

— Неделя? Две… я не помню, — ответила она с лёгкой хрипотцой в голосе, продолжая сверлить пустоту.

— И как тебе? Нравится у нас? Места говорят — живописные. Климат мягкий, словно альпака обнимает, а морюшко…

— Чего ты хочешь? — оборвала его Тая, не дав договорить, и подняла на него враждебный взгляд.

Это был не вопрос. Она прямым текстом сказала, чтобы он отвалил. Её мысли были заполнены другими, более важными ей воспоминаниями. В такие моменты не хочется разговаривать, а от назойливых вопросов хочется отгородиться и выставить собак по периметру. Он не отходил.

— Ты так и будешь стоять над душой, пока я ем? — продолжила она.

Мужчина выдержал её взгляд.

— Серж, — он обворожительно улыбнулся и протянул руку, затем кивнул в сторону глазеющих на Таю фигур, которые все как один были в чёрной блестящей экипировке и банданах. — А это мои ребята.

Не дождавшись ответной реакции Серж выпрямился и вскинул бровь. Затем сменил улыбку, которых у него в арсенале было точно больше одной. От этой так и разило высокомерием и чем-то кислым.

— Ты сидишь у меня в лагере, ешь мою еду. А я всего-то хотел познакомиться. Видишь ли, стало мне интересно, кого я подобрал и спас от смерти.

Только сейчас она смогла заметить его идеальную выправку и мышцы, проступающие даже сквозь куртку. Он точно был лидером. На долю секунд черты его лица приобрели острые линии Диаса. Серж был не таким спокойным, но обладал тем же глубоким взглядом. В характере его отличала дерзость, выставляемая напоказ, во внешности — смуглая кожа и бронзовые узкие глаза. Тая в два укуса доела сэндвич и встала. Она хотела говорить с ним на равных.

Стоило ей посмотреть в его огненные глаза, и она поняла, насколько уступает ему в силе. Даже она — повелительница времени, ставшая беспринципной и жестокой, — сейчас казалась меньше и податливее.

«От него так и разит мощью. И так похож на Диаса», — пронеслось в голове.

Ей показалось, что воспоминания о нём вызовут слёзы, но они были истрачены ещё в первые дни пребывания в этом месте. Их не осталось ещё тогда, когда она сжимала его тело. Оно было невыносимо тяжёлым, но она вцеплялась в него силой, пытаясь отмотать время назад. Но чёртова игра не давала ей этого сделать. Меньше слёз было, когда погиб Рой, ещё меньше — когда в прах обратилось тело Риана. Она тоже не должна была выжить.

«Почему ты не пришёл раньше?» — хотела закричать Тая, но вместо этого молча испепеляла его взглядом.

Он подошёл на шаг ближе, продолжая смотреть с высока и улыбаться. Но не только потому, что был на голову выше Таи. На таком расстоянии она смогла увидеть выразительные скулы, высоко посаженные брови и крупный греческий нос. Нет, он отличался в корне от Диаса, он гораздо… красивее? Он превосходит его. Это читалось и в глазах, в которых боли было больше, чем у Таи. Его широкая спина, уверенная поза и речь — властная, суровая и острая — выделяли его на фоне любого в этом лагере, любого встреченного ей в жизни.

— Ты, видимо, из тех, кто прошёл измерение Хаджета? — спросил он. — Ты невероятно крута, было бы обидно, помри ты на пустыре. На моей памяти портал не открывали. Тебе повезло, понимаешь?

С губ Таи сорвался уничижительный смешок, и она отрицательно помотала головой.

— Повезло? — скривилась она. — Нас было тридцать восемь, сюда перешли семь. Сейчас ты видишь меня одну. И это ты называешь везением?

И тут же её голос сорвался в пронзительном крике.

— Да лучше бы я умерла, чем они! Лучше умерла бы вместе с ними!

— Успокойся, я понимаю твои чувства.

— Понимаешь? — она вскинула руки за голову, вплетая их в волосы, протяжно выдохнула, затем её голос сорвался. — Я угли держала! На своих грёбаных руках я сжимала догорающие тела, пока они и вовсе не рассыпались. Это конченное место, конченное!

Он сделал ещё один шаг, вторгшись в её пространство. Расстояние между ними сократилось до почти интимного. Затем поднял лицо и посмотрел прямо в глаза. Его охровый взгляд выжигал внутри всё, подобно бушующему пожару. Этот огонь дарил спокойствие. Она непроизвольно подала голову вперёд, уткнувшись лбом в его грудь. В ответ Серж обнял. Тая хотела разреветься, но слёзы пропали ещё тогда. Так они стояли долгие минуты.

— Почему они не воскресли? — наконец спросила она еле слышно.

— Нечему воскресать, — ответил Серж, голос не выражавшим ничего, кроме воспоминания о непреодолимой боли.

— Как вы выживаете тут?

— Я бы рассказал… — наигранно вытянул Серж, а затем, придержав девушку за плечи, оттолкнул её и медленной походной стал уходить в сторону своего шатра. — Да вот только мы не знакомы с тобой.

— Ты же видишь мой ник, — ответила Тая, ошарашенная его поведением. Только секунду назад он пытался успокоить её, обнимал, а сейчас… Уходит?

— Но не твоё имя. А ещё я помню повисшую руку. Ты даже не соизволила пожать её. Так что, если чувствуешь себя лучше, можешь идти. Пока-а.

— Если бы ты развернулся, увидел бы её. Меня зовут Таня.

Спустя некоторое время они переместились туда, где сутками тлел костёр, где готовилась еда и происходил крохотный мир. Тая удивилась, увидев розовеющий уголь из местного дерева — он полыхал неслышно, но ярко, при этом не истончаясь. Вокруг него был расстелен тканевый брезент и спальники — все удобства проживания на пустыре. К рассказу примостились все те, кто мог и желал слушать, кто хотел дополнить и поделиться. Едва ли случай Таи единичный, были и похуже. И сегодня она в этом убедится. Эти люди прозвали себя «Сталкеры пустоши» и приняли её в отряд не раздумывая, ведь у них была одна судьба. Главной своей задачей они сетовали поиск осколков алебарды Фетраса. А главная ценность была в выживании и поддержке.

Повисла тишина. Точнее сказать, Серж сконцентрировал тишину вокруг себя, ехидно выжидая и улыбаясь. Те немногие, кто был с капитаном с самого начала слышали эту историю, но от этого их интерес не изменился. Начал он резко и по-житейски просто, откинувшись на валун.

— Если рассказывать сначала… Копал я как-то картошку в детстве.

Тая улыбнулась — не такого начала она ожидала. От чего-то подняла взгляд на вечный закат.

«Который сейчас час?», — возникла мысль, при виде огненного диска, спустившегося к горизонту и мерно катившемуся по нему.

В этом измерении бледная прозрачная луна была мерилом ночи, но тьмы не было. Сейчас не было и луны, а значит, были сумерки. Ночь тут — это период, когда не пузырится кожа от нескольких секунд пребывания на солнце, когда закат особо надоедлив и когда трясётся жёсткая кора земли. Серж внезапно вскочил в самом разгаре рассказа.

— Моя философия проста — я ненавижу закулисных крыс. На этом солнце померло человек больше, чем в любых войнах. Потому что разница между этими смертями в том, что солнце выжигает сознание, тело и любое присутствие человека. А от кинжала ты получишь лишь бездну. И поверьте мне, вы полюбите её больше этого солнца.

Темп нарастал, нагнетался саспенс. Его драматический баритон погружал в происходящее, словно тебя насильно топят в реке событий. Он оперировал яркими речевыми оборотами в такт треску полена. Ему не было разницы, ночь сейчас или день. Лишь блестящие глаза соратников, в которых отражался неподдельный интерес, — это сильно его раззадоривало. Он обходил каждого, взяв в руки длинную прочную ветку, и рисовал на земле схемы. Никто не спрашивал зачем и не перебивал.

— И кто знает меня, не даст соврать. Это был не просто сон. Оно вновь посетило меня. Скоро объявится очередной осколок.

«Измерение: дракона Лисавета. Локация: подножье Эйхис».

Правило измерения номер три — девушкам, а особенно молодым и красивым, нельзя верить. Для них это игра. Игра, стоящая тебе если не жизни, то чести.

«А теперь она повязала мне ссаную тряпку на глаза и ведёт хер знает куда», — пронеслось в голове, и желудок сжался в тугой узел, едва не выплеснув весь завтрак наружу.

Но обо всём по порядку.

За пару месяцев работы в трактире Виски я набрался достаточно опыта, чтобы прокачать уровень до сотого. И упёрся в потолок. Дальше, сколько бы я сортиров ни почистил, опыт просто не шёл. Гостей было не то чтобы много, но иногда приходилось летать по таверне, туша горящее шило, которое кто-то любезно засунул в задницу. В такие дни я был официантом, уборщиком, а под занавес ещё и плёлся на кухню помогать Виске. И вот это оказалась любовь с

первого взгляда. Не к Виске — к кухне. Жар печи и открытого огня, шкворчание масла, густой аромат специй, которые я, сам того не осознавая, подбирал с особым трепетом и всегда точно в цель, — было чувство, будто раз за разом я готовил для королей и самих небожителей.

Виска, наблюдая мою одержимость кулинарией и вечно загаженные туалеты, решилась набрать сотрудников, а я — двинуть искать, к кому можно присосаться, чтобы меня протащили по уровням. Оставаться сотником было тупо стыдно. А там… Связи, деньги, идеи, бизнес замутим, сестру вернём, псам сутулым отомстим. Короче, тогда мне казалось, что там, за пределами таверны, есть всё, и пора уже вылезать из этой раковины.

Виске с наймом повезло. Мне — тоже. Напоследок она ещё и намекнула, в какую сторону вообще стоит соваться и откуда начинать. Я выдвинулся на север — к хребту Эйхис, который на горизонте даже не маячил, а поэтому я и не имел представления, сколько до него плестись.

Когда новая куртка с овечьей подкладкой и лисьим воротником стала моей второй кожей, а под ней намертво прилипли ещё три слоя одежды, я стартанул. Пришлось идти только по тракту, который с трудом читался по зарубкам на вековых деревьях. Первой остановкой был трактир в японском стиле, где я завис с Зориным. Следующей, и по совместительству последней, оказалась крохотная деревушка с названием, которое контрастировало на фоне этого измерения, — Цветение.

В Цветении проживало человек сто, всех полов и возрастов. Их отчего-то не тронула *«встряска»*, и в целом жизнь была какой-то подозрительно тихой и замкнутой. Попал я в деревню в самый разгар зимних игр. Так они называли гонки на лыжах, охоту верхом на оленей, рубку дров на скорость и поедание сосновой каши. И всё это — в самое сонное и липкое утро.

Кто бы мог подумать, но выиграл я только в поедании каши. На вкус она была, будто жуёшь солёную смолу, текстура — густая и мёртвая, как дёготь, а пахла травами, маслом и… хвойной смолой. Собственно, чего я ожидал?

После тяжёлой и героической победы Элан повела меня куда-то по бесконечной и узкой, как лезвие, тропе южного склона горы Эйхис, словно я был горным козлом, — хотя в тот момент чувствовал себя просто козлом, — наглухо завязав мне у подножия глаза тряпкой, впоследствии названной ссаниной. Элан, к слову, была одной из немногих здешних девушек, попадавших в диапазон моего интереса. Хотя её отношение ко мне скакало от «Вау, что за бледный красавчик» до «Надо бы снег от крыльца откинуть» с пугающей скоростью, она мне таки запала. От пропитанной тряпки несло такой немыслимой вонью, что после свежести морозного утра и стойкого привкуса хвои на зубах, вот уже полчаса я вдыхал сырой запах плесени и будто этим тряпьём ещё и полы в сортире помыли. Лишь изредка сквозь эту вонь пробивался вяжущий, как осенний ветер, аромат незрелых яблок и клубники — от самой Элан.

— Если ты сейчас не снимешь эту хрень, то я навернусь с горы.

— Уверенна, ты справишься, — ответила Элан так безэмоционально, словно её лицо высекли из камня. Или облепили той кашей. — Осталось немного, потерпи.

— Потерпи? А тебе дать нюхнуть, что ты мне на глаза повязала?

— Не-е, спасибо, уже нюхала.

— Даже мои носки пахнут свежее, — продолжал протестовать я, потянувшись к повязке.

Она резко хлестнула кисти моих рук.

— Тряпку в покое оставь.

«Вот же зараза… Почему от её ледяного равнодушия, которому позавидует вся эта вымороженная вселенная, меня так дико прет?»

— Вредина… — только и смог выдавить я.

В грудь упёрлась ладонь.

— Всё? Пришли?

— Нет, не пришли. Повязку не трогай! — прорычала она, разогнав последние мысли о том, как бы её приподнять, чтобы она хоть не так воняла. — Отсюда ты начинаешь на ходу раздеваться. Скидывай обратно в инвентарь по одной вещи каждые сто метров. Всё, иди.

Я удивился… нет, стоп. Я охренел, когда услышал, что мне нужно раздеваться. Если это шутка, то она была явно неудачная. Целую неделю мне пришлось воевать с туалетами, чтобы мне выдали шкуру убитой овечки, а теперь я должен её снять? Ну, знаете ли, это уже наглость. Мы знакомы едва ли сутки, а меня уже хотят раздеть и изнасиловать. На последнее я очень надеялся.

Уже на следующем повороте воздух стал прогреваться, словно наступила весна. В воздух ударил характерный запах перегноя и мокрого камня, а ботинки захлюпали по слякоти. Элан напомнила, что я прощёлкал первые сто метров. Я убрал в инвентарь куртку.

— Если хочешь меня, то так и скажи, — протянул я, сделав игривый тон. — Для этого необязательно тащиться в самую гору. Можем тут организовать.

Ответа не последовало.

— Сто метров прошло, — вновь напомнила она.

Мы шли тяжело и долго. Поворот сменился подъемом, который сменялся поворотом. Этому не было конца. Силы, казалось, вот-вот покинут меня: ноги заплетались, не в состоянии быть поднятыми, грудь щемило из-за разряженного воздуха, который становился ещё теплее. Одышка была уже такая, словно я всю жизнь, начиная с утробы матери, курил и не знал ничего, кроме сигареты в зубах. Спустя самые долгий час и километра три дороги в гору, в сочетании с постоянным стягиванием той или иной тряпки и я остался в одних трусах.

— Следующей пойдёт эта ссанина, — предупредил я, поправив тряпку. — Трусами дорожу — они мне от отца достались.

— Что прости? — с её губ всё-таки сорвался смешок. Я выиграл эту битву! — Ещё на твой стручок не хватало смотреть, угомонись. Если тебе станет легче… — Элан на секунду замялась и даю голову на отсечение, закусила губу. Её стальной голос подёрнулся смущением. — То и мне… нечего снимать.

Вуф, ну да… стало легче. Мой организм так старался разогнать кровь и насытить её хоть каким-то кислородом, а она взяла и похерила всё. Теперь вся кровь была сконцентрирована в одном месте.

— Ну вот, ты справился, — рукой она стянула с меня повязку и отбросила её в сторону.

В ту же секунду мой внутренний врач самой общей практики, покачав головой, диагностировал у меня неизлечимое и быстропрогрессирующее расходящиеся косоглазие.

«Мой мальчик, это нужно лечить. Это — патология», — прокомментировал он.

«Замолчи, — ответил я ему, отрешённо взмахнув пальцами. *— Как любил говорить мой отец в детстве: один глаз на дам, другой — на Амстердам. Или он говорил про Кавказ… Хотя какая разница, если один глаз — на дам!»*

В моём случае взгляд метался между открывшимся пейзажем и красивым телом. Ещё в деревне я видел на Элан лишь толстый стой одежды с ножнами во всех самых удобных и неудобных местах. Тогда я насчитал их восемь. Самое странное, что в четырёх из них были кухонные ножи. Сейчас же на Элан было лишь хлопковое бельё, которое и бельём-то назвать было стыдно. И прикрывало оно только нижнюю половину тела.

Вот в чём, действительно, было коварство зимы. Не в морозах, нет. Ты никогда не знаешь, что скрывает объёмная куртка. Круглые люди оказываются не такими уж и круглыми, а вполне себе подкаченными. Элан была идеальна и фигурой, и внешностью.

Она стояла ко мне спиной, лишь голова её была повёрнута. Вьющиеся волосы цвета корицы едва касались плеч, а карие глаза щурились. Один уголок губ кривился, словно говоря прямым текстом: *«Смотреть можно, но стоит тебе сделать хоть одно неверное движение,*

*и я выпотрошу тебя».*Плечи и лопатки были целиком покрыты веснушками, прямая линия осанки спускалась к стройными ногам. Она развернулась. К чёрту пейзаж…

— Так и будешь пялиться? — с вызовом спросила она.

— А ты не делаешь тоже самое? — парировал я.

— Мне можно, ты синий. А я — обычная, что на меня глазеть.

Стоя ко мне лицом, она держала подбородок высоко и прикрывала грудь руками, поджимая их к телу. Тогда мой взгляд скользнул, выхватив выбивающиеся детали, которые помимо груди старались прикрыть руки, — широкие шрамы от когтей под ребрами. Такие же располосовали левую ногу от бедра, до самого низа голени. Если и говорят, что шрамы украшают мужчину, то с женщиной они делают если не тоже самое, то гораздо больше, привнося свою частицу необыкновенности.

Холод её, казалось бы, тёплых, древесных глаз боролся с жаром в моих. Когда левый глаз окончательно ослеп и я закономерно проиграл, пришлось поменять точку обзора. Взгляд скользнул поверх плеча Элан на то место, куда меня, так тщательно скрывая дорогу, привели.

— Аху.. Откуда тут это? — выругался я от удивления.

Это был целый сад. С ивами и яблонями, высокими зарослями малины и водой, от которой валил густой пар. Тут было всё то, по чему я так скучал. Аромат, который каким-то образом я не замечал, врезался в нос скоростным поездом: пахло летом, пылью дорог и игрой в казаки-разбойники во дворе.

— Всегда тут было. Эти источники были тут до меня, они даже старше моей бабки, — Элан вновь развернулась, сцепив руки за спиной и сделала несколько шагов к источнику. Закусив губу, вдохнула воздух. — Никто не знает, каким образом посреди вечно покрытых снегом гор появились термальные источники и трава, но такое место не одно. Одни говорят, что кровь Лисавета, текущая по жилам, и создаёт это тепло. Другие полагают, что его природа древняя, как мир. Что его сотворили маги забытого народа, введённые в мир в самом первом патче, для своих собственных нужд. Правда, за много лет никого из них так и не видели.

Я тоже подался вперёд. В лицо ударил горячий пар, я повёл носом, собирая благодатное тепло.

«Прям как в баньке… — скользнула мысль. — Сейчас бы веничек и пива».

Продолжая жадно задыхаться парами, я во всю воображал запахи масел, вымоченной берёзы и горящих поленьев. Ненадолго даже перенёсся в прошлое — в настоящую баню, куда однажды пригласил меня отец. Правда мужики тогда накричали на меня из-за того, что я тупился в дверях, выпуская пар. В то время тонкости бани были для меня чужды.

Элан помахала ладонью перед лицом, вырывая меня из транса, а затем и вовсе щёлкнула по носу.

— Пшш… Земля вызывает Илиса, приём.

— Тут я, тут, — смахнул я её руку.

— Благодаря магии, подпитывавшей эту воду, можно пробудить в себе скрытые таланты. Наверное, поэтому, зайдя сюда однажды, я поняла, что мой удел — не сбор трав, стирка и уборка, как делают большинство женщин в моём поселении, а охота, слежка и тихие убийства.

От последних слов плечи передёрнуло.

— А от меня-то ты что хочешь? — выгнул бровь я. — Ты думаешь, раз я эльф крови — единственная, по факту, артефактная раса, — то могу постичь древние знания? А может, я стану настолько крутым при своём сотом уровне, что на раз убью Лисавета и спасу сестру? Пусть мне ещё вселенная минет сделает, ну так, на сдачу.

— Ты — просто обиженный ребёнок, — закатила глаза Элан, покачав головой. — К нам не так часто кто-то приходит в деревню. Тем более синий… ну ты понял. Мне ты показался не таким идиотом, каким выглядишь сейчас. Я просто решила, что покажу тебе интересное место. А то от скуки уже ноют мышцы.

Она резко приблизилась ко мне и ткнула пальцем в лицо. Даю голову на отсечение, стоило мне сделать шаг ей на встречу — и её острые ногти пробили бы мне глаз насквозь.

— Только попробуй проболтаться об этом месте. И вообще, обратно…

— Только не эта ссанина, — прервал я её.

— За кого ты меня принимаешь? — вскинула она голову. — Есть более короткий маршрут. Полетишь со скалы.

Я судорожно закивал, вспомнив, что ещё пару недель назад, сам чуть не шагнул вниз.

— Всё лучше, чем ещё раз «это» нюхать.

Она была близко. Слишком близко. Её карие глаза с чёрными бусинами по центру захватывали силками. Но сильнее их мой взгляд приковывала оголённая грудь на расстоянии «жмяк» от меня. Секунда — и дерзкий взгляд снова прикован к ним. Я в прямом смысле замер в благоговейном параличе. Позвоночник и грудина играли пинг-понг сердцем, противостоять инстинктам было не просто тяжело, а нереально.

«Стоп. В руки. Не их, идиот! Да не её! Себя в руки. Возьми себя в руки!»

Я ударил себя по щеке. Сознание пробудилось.

— Так это всё потому, что тебе скучно? И никакой магии? Я что не стану трёхметровым с метровым? Не преображусь?

— Конечно нет! — издевательски рассмеялась она. — Я пошутила вообще-то. Единственное, что даёт источник — чистую кожу и приятное расслабление. А для тебя это в десять раз нужнее. Ещё пару дней, и вы с тряпкой породнитесь.

— Не я придумал в тулупах рубить деревья и жрать кашу, — пытался я оправдаться. — Я сильно вспотел, да и вообще — не хотел в этом участвовать. В деревне вашей мне самобытность нужно было посмотреть, да кухню пощупать…

— Ага, а ещё ничего пощупать не хотел?

— Гы, хотел, — с губ сорвался идиотский смешок.

В меня полетела ладонь, и я вжался, но удара не последовало. Она замерла в секунде от лица.

— От твоей тупости я вновь заскучала. И вообще замёрзла. Ты как хочешь, а я прыгаю.

Один точный шаг, полёт — и всплеск воды. Мои глаза всё так же прожигают точку, где ещё несколько секунд назад стояла Элан.

— Ух ты! — заверещала она, убирая мокрые волосы с лица, расплывшегося в удовольствии. — Вода в разы лучше, чем в мой последний визит. Кайф. Ты там так и собираешься стоять?

Её брови подпрыгнули, зазывая меня присоединится. А что я? Я прыгнул. И почувствовал всем телом невообразимое тепло источника. Ну как тепло, скорее адское пекло, словно по коже прошлись горелкой. Как вообще женщины выдерживают такие температуры?

А к вопросу: сколько я там уже нормально не принимал ванну? Неделю? Нет, по-моему, уже вторая пошла. В воде я не мешкал — сразу раскрыл глаза. Она была невероятно прозрачной. В ней отчётливо виднелись гранитные стены, давно сложившие свои неприступные грани перед разрушительной силой стихии. Моему взору так же престали бултыхающиеся ножки и будто густые капли мёда — ягодицы. Двумя словами — неописуемая красота. И это я, наверное, не только про стены. Вообще не про стены.

Вместе с тем, как я вынырнул прямо перед носом у Элан, обрызгав её лицо доброй порцией воды, началась настоящая битва. Я был весьма подкован в военной стратегии на море, отец учил меня этому с малых лет, мне так же были известны немалые схемы самообороны, и я не мог ими не воспользоваться, когда дело доходило до моей чести.

«Хоть где-то я должен выиграть!»,— думал я, попутно уходя влево от струи воды, и правой рукой послал ответную. Та достигла цели, была невероятно точной и заставила Элан буквально захлёбываться перед моей мощью.

— Всё, прекрати… хватит, — вопила Элан с полным ртом воды. — Сдаюсь!

— Ну уж не-е-т, — продолжал я стрелять меткими струями.

Моей ярости не было предела. Она сполна вкусит моё блюдо мести. Оно будет не просто холодным, а ледяным, ниже, чем температура воздуха в измерении. За всю боль, за всю ссанину.

Подплыв к ней двумя резкими движениями, я сложил руки в кулак и обдал её самой мощной струёй воды, что мог сотворить. Пока длились те драгоценные секунды переполоха с её стороны, я схватил руками её голову и надавил, отправив её глубоко, познавать недра этого озера, вслед за этим нырнул и сам.

Под водой Элан открыла глаза, в них полыхал первозданный гнев. Покрутив пальцем у виска, она постаралась меня ударить, но удар растворился в толще воды, так и не достигнув адресата. Синхронно мы всплыли на поверхность.

— Придурок! — заверещала она. — Я чуть не захлебнулась. У тебя вообще мозги есть?

— Стой, молчи, — прервал я её, опустив глаза под нос.

— Нет, ну он ещё и затыкает ме…

Я положил два пальца на её губы.

— Мозгов у меня, вероятно, нет, но вот глаза на месте. Смотри, видишь? Пузырится вода, — я закрутил головой, осматриваясь вокруг. — Со дна поднимаются сотни крупных пузырьков. Я точно помню, что их не было, когда мы пришли. Под водой их тоже не было.

Опустив мою руку, она вгляделась в глубину. Озеро вокруг нас уже несколько секунд активно бурлило, как будто температура поднялась до состояния кипения или кто-то включил джакузи.

— Ну хоть что-то интересное, — вспыхнула Элан, схватив мою руку и потянув за собой.

Наспех задержав дыхание, мы вновь погрузились в тепло озера. По телу пробежало чувство нежелания вставать из-под тёплого одеяла, когда на улице мороз. В воде, тем временем, уже бегали десятки столбцов пузырей. Они поднимались с самого дна источника. Вокруг этого места периодически пульсировало бирюзовое сияние, на которое мы сразу же обратили своё внимание. Я указал пальцем на поверхность. Мне нужно было глотнуть воздуха, а затем мы вновь нырнём и поплывём на это сияние. Элан кивнула.

Наши ноги двигались в такт, погружая нас всё глубже и глубже. В какой-то момент стало совсем темно, только наши крепко сжатые руки и свечение на самом дне указывали нам путь. Давление воды сжимало мою грудь, и с каждой секундой я думал, что вот уже сейчас кончится дыхание. Элан посмотрела на меня, коснулась рукой горла и указала наверх.

«Чёрт, чёрт, нет. Осталось всего ничего, там уже виднеется портал».

Я отрицательно мотнул головой и, схватив её за талию, притянул к себе, прислонился к губам и выдохнул. Её глаза округлились в изумлении, но она сделала тоже самое. Такое дыхание должно было помочь нам достигнуть конечной точки. Мы продолжали плыть, опасаясь лишь одного — на обратный путь нам не хватит воздуха. Резкий хлопок прервал опасения. По телу пронеслась колкая боль, за ней — глухой удар о землю. Позади нас захлопнулся портал.

— Элан, ты цела? — я откашлял остатки воды и повертел головой в попытках найти девушку. Вокруг было пусто. Собственно, как всегда.

Я буквально взорвался и разразился отборным матом. Со всей силы стал бить кулаками о землю. Нахлынуло чувство злости и отчаяния. Как же бесил факт, что ничего не может в этом мире быть адекватно, только через жопу.

— Ну что ж, — рассуждал я, заводя руки и убирая мокрые волосы назад. — Допустим, что всё произошло так, как должно было произойти. Ничего не поменять, всё случилось. Тут никого, можно покричать, выговориться и поплакать. На всё про всё у тебя двадцать секунд.

Я посмотрел на своё не самое приятное отражение в грязной луже.

— А когда закончишь, то давай-ка собирай с пола сопли и топай уже думай над извечными вопросами: какого, собственно, хера? Где Элан и куда ты попал вновь?

Разбрызгав остатки лужи по земле сильным ударом, я надолго оставил позади в мелких каплях свою раскисшую физиономию.

Жалобный рык, больше похожий на мольбу, отразился от каждой стены в пещере. Я прятался за углом прохода, наблюдая, как на массивной цепи, словно собака, сидел зелёный дракон. Он был огромный, занимал всё пространство. Его шкуру украшали вкрапления золотых чешуек, а из головы торчали приглаженные к шее рога. Шея сгибалась в нескольких местах, без возможности выпрямиться из-за нехватки места. Прогрохотал телепорт, и цепи залязгали, выплясывая вибрирующее эхо. Из него вышел незнакомец в длинной мантии с маской на лице, удлинённой в носу, и смело зашагал навстречу дракону, вытягивая перед собой руку.

— Сара, дорогая, — протянул он низким тучным, словно расстроенная бас гитара голосом, дракон в ответ извивался. — Я так рад тебя видеть. Прости, что задержался.

Дракон попытался выпрямиться, рванул к незнакомцу. По вздымающейся груди, дрожанию крыльев, поднявших пыль вокруг, и горячему пару из ноздрей было видно его недовольство.

— Нет, извини. Сегодня тебе не получится погулять, потерпи. Не злись, прошу.

Голова дракона опустилась, кончиком носа коснувшись его ладони. Одна только голова была больше незнакомца в четыре раза. Вновь тишину в пещере разрезал жалобный рык. Мужчина нежным голосом продолжил диалог с драконом. Спрашивал, как у него дела, успокаивал и подбадривал существо. Казалось, они полностью понимали друг друга.

Я сделал неосторожный шаг назад, и камни побежали вниз по стене. Незнакомец вмиг замолк, озираясь по сторонам. Зараза, меня заметили! Я тихо выдохнул, использовал стелс. Нужно было потихоньку перебраться в следующее ответвление пещеры. Очередной хлопок телепорта, совсем близкий, оглушил меня и заставил обернуться. Из портальной арки выскочил незнакомец и бросился вперёд, сковав моё тело толстым чешуйчатым хвостом.

— Покажись! Как ты тут оказался? — яростно проревел он. — Тебя не должно здесь быть! Никого не должно быть!

Меня охватила иррациональная паника. У него, мать его, был хвост! Я стал безнадёжно дёргаться и пытаться выбраться из объятий. Но чем старательнее я сопротивлялся, тем сильнее грудь сдавливала мощная и смертоносная хватка.

— Ещё одно движение, и я сломаю тебе рёбра, — без предупреждения он надавил. — Откуда ты пришёл, чужак?

— Источники… — еле слышно хрипел я, задыхаясь. — Отпусти.

Последний воздух вышел из лёгких. Потеря сознания, да и смерть, были лишь вопросом времени, но незнакомец, наблюдая мою беспомощность, полностью ослабил хватку. Я повалился на землю. Он завёл хвост за спину, пока я жадно глотал воздух, стоя перед ним на четвереньках.

— Не пытайся сбежать, — он склонился надо мной и шёпотом добавил. — Тебя было видно с самого начала — ты воняешь кровью.

— Слушай, понятия не имею, как меня закинуло сюда, — с одышкой говорил я, горло горело, и слова давались с большим трудом. — Мы были на источнике, вдруг всё забурлило, внизу появилось сияние, мы поплыли на него. Сиянием оказался портал — он нас и засосал сюда, но когда я пришёл в сознание, моей спутницы не было рядом.

Я перекатился на задницу, посмотрел на него.

— Ты не видел тут девушку — человека, невысокую, с короткими каштановыми волосами. Мне лишь бы найти её. Обещаю сразу же покинуть твои покои и не тревожить больше ни тебя, ни дракона.

— Кроме тебя тут никого нет, просто не может быть, — он протянул руку. — Ты вообще представляешь, куда попал?

Я принял руку и поднялся, в ответ лишь отрицательно помотав головой.

— Если мать кого и пускает в драконьи пещеры, то он избран. Гордись этим. Твою девушку мне жаль.

— Стой, как жаль? Что с ней? — перебил я его. — И какой нахрен избран?

— Её должно было выбросить на другую сторону горы. Она, скорее всего, мертва. Теперь назовись, человек.

Я не спешил представляться. Плечи рухнули, руки еле удерживали голову, вплетаясь пальцами в волосы. Сука, а Элан мне нравилась, как бы это глупо ни звучало, учитывая её отношение ко мне. Как же задолбало в каждом грёбанном мире быть избранным, нельзя, чтобы кто-то другой побыл? Дайте мне лучше семью мою и какую-нибудь Элан, и идите лесом, да куда подальше.

— Назовись! — прорычал он.

— Да Илис, я, чё пристал? Ты сам кто вообще?

Он медленно стянул капюшон мантии и, стоя вполоборота, взглянул на меня. Следом снял маску. Глаза скользили по его лицу, собирая все мелкие детали воедино. Змеевидная форма с вытянутым и закруглённым носом. Рот усыпан множеством острейших зубов в два ряда. Со спины капюшон буграми сползал с шиповидных наростов, начинавшихся от самого лба и уходящих глубоко под плащ. Вся кожа была такой же, как и хвост — ороговевшей и чешуйчатой.

— Я Мираж — драконорождённый. Точнее сказать, драконовыведенный. Схож с великими лишь некоторыми особенностями и чертами; моё тело преобразовано магией. Я один из двенадцати стражей драконьей пещеры. Во внешнем мире нет ни единого существа, похожего на нас.

Я скривился, каждой мышцей лица задавая немой вопрос: *«Чего, блять? Это вообще как?»*.Следом я выпалил его.

— Мы были людьми, очень-очень давно… — он сделал несколько шагов, погрузившись в мысли, и продолжил совсем отстранённым тоном. — Такие же игроки, как и ты — одни из первых. Мы неспешно проходили игру и не знали, что это был чей-то эксперимент. Одним утром весь наш немногочисленный клан обнаружил у себя в инвентаре зелье, навсегда дарующее запредельное количество характеристик. Такое же я нашёл и у себя.

Он взмахнул руками, протяжным низким эхом зачитал заклинание, и в воздухе повис запах грозы и свежей травы — пространство разрывала магия. Грубый камень пещеры сменили кривые комнаты с экранами, как на Земле, компьютерами и пультами управления.

— Тут люди в мирских халатах! — воскликнул я, разинув рот.

— Зелье было новым, очередным экспериментом, — продолжал он, опуская руки и напрочь игнорируя меня. — День за днём наша кожа покрывалась прочной чешуёй. Необратимый процесс. Они сказали, что могут помочь нам и пригласили, а по факту отловили всех, кто выпил зелье. Затем заточили в клетках, кололи препараты.

Каждое его слово было услышано мной и проходило глубоко внутрь, касалось сердца. Вокруг нас двигались люди в белоснежных халатах, постоянно записывавшие ход эксперимента. Они не видели нас. Металлические прутья клеток, механизмы для удержания рук и ног. Огромные котлы, перегонные кубы, стеллажи с химической посудой. Он ходил и показывал. Его голос был чёрствым, бездушным. Он рассказывал о непростой судьбе, совершенно не выказывая эмоций. Лишь одна эмоция проскочила на долю секунды, я смог её заметить. Такая живая и одновременно практически затухшая — гнев.

— Ни повышения характеристик, — проскрежетал он, развеивая иллюзию. — Ни одного нового или уникального навыка. Только прочная кожа, обострённые чувства и знания. Да…

чувства обострены, каждое практически на максимум, а толку? Мы на всю жизнь теперь заточены здесь. Мы — послушники драконьей пещеры.

— Вы служите драконам?

— В каком-то смысле да. Все мы служим великому и мудрейшему змею. Поддерживаем популяцию драконов. Все они — наши дети. Сара тоже скоро полетит, ты увидишь её на юге вечнозелёного острова.

Мираж уверенно подошёл ко мне и коснулся груди. От его касания сердце подпрыгнуло, а затылок парализовал животный страх.

— Мать не ошиблась — это будет твоё яйцо.

— Что? — отшатнулся я, задыхаясь от чего-то. — Нет, не нужно. У меня, вроде как, есть. Может, ну его. Элан вон спасать нужно, а то как это она с горы без меня спустится.

— Я не могу сказать, когда ты выйдешь и выйдешь ли. Твоё яйцо пока у Сары, но ты безусловно тот, кому оно положено. Тебе предстоит доказать, что ты достоин.

Я продолжал непонимающе смотреть на Миража, делая короткие шаги назад. Да ну, я не верю его словам. Я вот прямо сейчас готов был развернуться и убежать. Но за сутки в пещере я так и не нашёл выхода. И часто я вот так буду по пещерам шастать?

— Давным-давно, когда драконов было в разы больше, избранные приходили каждые трое суток. Затем мы разрушили портал, увидев их истинные намерения, и запечатали вход. Ты первый за шестьдесят лет. И я пока не решил, доверять тебе или нет. Собственно, не мне решать.

Пока я пребывал в ступ… ахуе, то даже не замечал, как Мираж крутился вокруг меня и чертил портал. Схватив меня за руку, словно тряпичную куклу, он поволок меня внутрь портала, сводя что-то наподобие бровей к змеиным глазам.

— Пора представить тебя матери.

«Корпорация AGL. Кабинет генерального директора».

Раздался звук селектора, за ним — приятный женский голос.

— Дмитрий Евгеньевич, вам письмо.

— Что-то важное? — уставшим и сухим голосом ответил Гроулов, пролистывая кипу документов, которые ему на подпись сутра подсунули подчинённые.

— Ну… — вытянула сонно девушка. — Тут пломба стоит, похожая на печать, а с обратной стороны надпись: *«Лично в руки Гроулову Д.Е.»*.

Зачем кому-то потребовалось передавать письмо, да ещё и таким древним образом? Все самые важные письма он получал по почте, а отчёты о любых ситуациях на проектах сотрудники докладывали лично. Он зажал кнопку селектора и задумался, отпустил. Затем вновь зажал спустя несколько секунд. Нина хотела развеять его нерешимость, но выждала.

— Нина, — наконец произнёс он. — Ты видела кто его принёс?

— Нет, Дмитрий Евгеньевич, не видела. Мне письмо передал Степан Андреевич — наш охранник, и сказал, что оно лежало под дверью. На улице уже темно, и он никого не увидел.

— Хорошо, положи его ко мне на стол.

Был поздний час, в офисе из сотрудников осталась только Нина. Гроулов заканчивал подписывать бумаги. Подкурив короткую толстую сигару, он сделал несколько долгих затяжек и, посмаковав терпкий дым, затушил её. Обрезал пепел. Через пару минут в дверь постучались.

— Войди, — не отвлекаясь, крикнул он, слегка откинувшись в своём кресле.

Нина бесшумно проскользнула внутрь. Как и последние несколько лет, она была одета в белоснежную блузку со скрупулёзно выглаженными лацканами. Блузка сидела плотно, выводя линии груди и сдавливая формы. На бёдрах — строгая юбка чёрного цвета чуть выше колен. Сегодня отличалась лишь её причёска — завитой пучок с двумя изящными булавками для

волос, — которой она хотела обратить хоть ненадолго его внимание. Гроулов бросил в её сторону короткий беспристрастный взгляд, заметив только тонкий конверт в руках.

— Подожди, — прервал он секретаршу, протянувшую руку к крохотному кофейному столику. — Дай его мне.

Когда он взял конверт в руки, их взгляды на секунду соприкоснулись. Блеск, исходящий из глаз Нины, и сияние её лица мог не заметить только слепой. Всего лишь на мгновение. Оно было такое крохотное, но именно в эти несколько секунд Нина была по-настоящему счастлива.

— Прекрасно выглядишь, — проговорил Гроулов, думая, что сделал комплимент, но для неё это было лишь отмашкой. Притянув её руки, он высвободил конверт. — Спасибо, что всегда со мной… — продолжил он, резко оборвав и взгляд, и свои слова.

Надежды Нины на ещё один, пусть и неловкий, комплимент остались в подвешенном состоянии. Точным выверенным движением он открыл конверт, достал письмо и принялся его читать.

«Дмитрий Гроулов.

Вы подвергаете опасности жизни тысячи людей. Ваши исследования бесчеловечны.

Если в течение двух месяцев проект не прекратит своё существование, а люди, попавшие в него, не будут освобождены, мы сравняем ваше детище с землёй…

Директор ещё раз покрутил в руке листок пергамента кремового цвета, даже не дочитав. Бумага была дорогой. В голове лишь мысли, что это уже не первая угроза, которая захлебнётся в зародыше, и она, как и все остальные, не представляет опасности. Он обеспечил себя безопасностью со всех сторон. Ежемесячно отваливал правильным людям деньги, и правительство закрывало глаза на теневую сторону его проекта. Он высек искру.

Пламя бензиновой зажигалки разгорелось, и Гроулов поднёс его к письму. В глаза бросились цифры, подсвеченные тонким пламенем. Он дочитал сообщение.

…И это не угроза. Это обещание.

64.8945, 10.7766.

Вы понимаете, что мы уже всё знаем?»

Пальцы дрогнули.

Последнее предложение изменило Гроулова в лице. Впредь он не думал больше считать эту угрозу пустой. Эти цифры… Он хорошо знал их. Никому не известные. Чрезвычайно секретные.

Щёлкнула крышка, и пламя зажигалки погасло.

Цифры были координатами. Они указывали на местоположение исследовательского центра, который был глубоко под водой, в нескольких километрах от суши и в сотнях — от ближайших поселений. К горлу подкатил ком, он сглотнул его. Руки пробила мелкая тряска. Держа белоснежный лист бумаги, он поднёс его к носу. Пергамент пропитался восковой печатью и выдавал характерный запах, так же он смог уловить ноты ягод *Eiswein*по краям бумаги — из таких делают высококачественные вина Германии.

Гроулов откинулся в кресле, приняв почти лежачее положение, достал обычные сигареты и закурил. Несколько лет он пытался развить проект, который, вероятнее всего, спас бы человечество. А теперь ему грозит опасность, и тем более неизвестно от кого. Прокручивая послание в письме, он не замечал, как медленно тлела сигарета, всё сильнее обжигая пальцы.

Затушив окурок, Гроулов полез в телефонную книгу. Затем набрал номер лучшего кризисного менеджера и по совместительству своего друга.

— Здравствуй, Олег.

— Привет, Дим.

— Мне нужно, чтобы ты приехал в офис.

— Ты как всегда… Что-то срочное?

— Да, Олег. Будешь на месте — набери. Расскажу, как приедешь.

— Слышу, голос у тебя серьёзный. Сейчас пробки бешеные, до офиса буду ехать часа два.
— Я тут сегодня допоздна. Жду.
— Всё, давай, Дим. Еду.

Глава 3

Ты действуешь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.